

В. П. Вахтеров

ЛЮБОВЬ К ЧТЕНИЮ

Вахтеров, В. П. Основы новой педагогики. Том 1 / В. П. Вахтеров. М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1913. 581 с.

Быть может, ни в чём с такою очевидностью не проявляется стремление ребёнка к развитию, как в увлечении чтением.

Вместо того чтобы рассуждать о значении книги в развитии ребёнка, я предпочитаю поместить здесь в качестве подлинного человеческого документа рассказ одного семидесятника о том, чем была книга в его детстве, отрочестве и юности.

Монотонная, будничная бессмысленная жизнь, без ярких радостных впечатлений, окружающая невежественная среда, забитая однообразным, постоянным физическим трудом из-за куска чёрного хлеба. Полуголодное существование.

Смутно сознаваемая ненужность такого серого, унылого, а подчас прямо ужасающего существования, без радости, без бодрящих впечатлений. Полная обособленность от культурных людей. Полное отсутствие каких-либо образовательных и воспитывающих учреждений, кроме плохой школы. Чтобы пробудить себя от этого дремотного состояния, чтобы стряхнуть с себя сон, навеваемый вялой и бедной действительностью, хотелось новых сильных ощущений, красок, какой-нибудь яркой радости, драматизма, напряжённого движения, героев, резких контрастов.

Вывести меня из этого тупика мог бы хороший образованный человек, но в детстве его не было около меня. Меня отупляли зубристикой, дисциплиной, основанной на страхе и розге, схоластической программой.

Конечно, я искал удовлетворения своей любознательности и в разговорах со взрослыми. Но то, что они говорили между собою, за немногими исключениями, так часто повторялось, что казалось мне обыденным, старым и неинтересным или, что ещё хуже, ужасным до отчаяния. И я могу назвать теперь не более 2—3 встреч, заинтересовавших меня в детстве и не запугивавших меня ужасами жизни. И меня вывела из этого тяжёлого состояния хорошая книга, которую оказалось легче найти, чем хорошего человека. Стремление стряхнуть с себя влияние сонного, вялого настроения окружающих возбуждало во мне свойственную возрасту жажду к героизму, к сильным красочным образам, к игре необычайных приключений, к поражающим воображение событиям и могло найти исход только в литературе. Книга действительно переносила

меня из узкого круга мелких и однообразных интересов окружающей среды, ограничивающихся почти исключительно вопросами удовлетворения голода, на широкую сцену всемирной истории, мировой литературы, на арену, где действовали герои во имя высоких идеалов добра, правды, справедливости, красоты, счастья народа, родины и человечества. В книжных образах были и яркие краски, и захватывающий драматизм, и головокружительная необычайность подвигов.

Должен сознаться, что самая техника чтения, пока я не овладел ею в достаточной мере, не доставляла мне ни малейшего удовольствия. И это вполне естественно, тем более что я учился читать по псалтырю на славянском языке, в котором я не понимал ни единого слова. Интерес к чтению пробудился во мне лишь тогда, когда я стал читать сравнительно бегло; и, конечно, и на этой ступени меня интересовало исключительно содержание, а не механический процесс чтения.

Гоголевский Петрушка, интересующийся механизмом, а не содержанием, мне кажется, является скорее уродливым исключением, а не общим правилом естественного развития. Когда я овладел механизмом чтения и когда в мои руки попали доступные пониманию книги, чтение стало моею преобладающею страстью. Из-за книг я пропускал уроки, не готовил заданного, нередко получал плохие баллы и неоднократно подвергался наказаниям.

Относительно чтения я делю своё развитие на три периода.

Сначала я пользовался только одними лубочными изданиями. Из житий святых, занимавших крупное место в коробах офеней, потре-

сающее впечатление произвело на меня житие Филарета Милостиваго, его необыкновенная доброта, выразившаяся в том, что он роздал нуждающимся своё огромное имущество, от которого под конец осталась только корова с телёнком. И сейчас помню, как он отдал беднякам эту свою последнюю корову, отдал им затем и телёнка, потому что корова скучала по телёнку, и как он боролся с эгоизмом своих семейных, не желавших, чтобы он расточал своё имение на дела милосердия.

Большое изумление, граничащее с восторгом, производили пустыножители, вроде Симеона Столпника. Герои прочитанных книг, как это очень часто бывает в детском возрасте, служили для меня образцом для подражания. Жития святых заставили меня мечтать о том, чтобы уйти от людей в лес или пустыню, молиться, работать и жить так, как жили святые люди. Должно быть, это моё настроение я сумел передать своим товарищам, детям соседей, и мы вместе с ними вырыли пещеру в снегу, в поле, устроили там самодельный крест, прикрепили к стене лубочную божественную картинку, положили туда какую-то книгу духовного содержания и почти ежедневно, а иногда и два раза в день между играми прибегали туда, становились на колени и молились, причём я обыкновенно читал, и всегда с большим чувством, спрятанную тут книгу. Иногда, впрочем, мои товарищи не выдерживали торжественного настроения, и дело оканчивалось шалостями или дракой.

Наряду с духовными книгами я с жадностью читал и светские произведения

лубочной литературы: Еруслана Лазаревича, Бову Королевича, Конька Горбунка. И как это ни странно, при воспоминании о ней я не чувствую обычного в писательском быту презрения, а одну благодарность. Вероятно, это объясняется тем, что при той безысходной скуке, а иногда ужасе жизни, какие выпали на мою долю, даже лубочная литература с её эффектами, изображениями необычайных приключений, фантастическими событиями, героическими подвигами и нечеловечески сильными порывами и страстями представлялась манною небесною для голодающего.

Легко и просто издеваться над лубочною литературою.

Но надо помнить, что она создана мужиком и для мужиков, что она одна была по карману бедным людям из народа. В то время, когда для барского чтения существовали свои дорогие оплачиваемые писатели, свои издатели, чьи книги были по средствам владельцам крепостных душ, для самих крепостных и вообще для бедных доступны были только книги, написанные мужиками-писателями (Мишей Евстигнеевым, Зряховым, Чуровским и др.), изданные мужиками же — издателями (Шараповым и др.) и разносимые мужиками-офенями. И как барская литература выражала вкусы своих читателей-помещиков, так и писатели-мужики удовлетворяли вкусам своего брата-мужика, его предрассудкам, верованиям, старались развлечь его и позабавить, как умели.

В Еруслане Лазаревиче поражали моё воображение самые разнообразные приключения и воинские подвиги: бой со змеем, бой с русским богатырём Иваном и с своими неузнанными сыновьями.

А при чтении Бовы Королевича трепетное волнение вызывало во мне его бегство от злой матери и отчима, проявленные им чудеса храбрости, одержанные им победы, когда он один выходил против целых полчищ неприятелей, его чудесный меч кладенец, его конь богатырский и стойкость, с какою он защищал христианскую веру. Особенно нравилась мне тогда та определённая, с которою рисовались в сказках добрые и злые люди. Если герой зол, так уж зол до конца, без всяких *но*, ужасен, как самое чёрное исчадие ада, жесток, как лютей зверь. То же самое и с добрыми героями, которых сказки и рассказы украшали всеми возможными добродетелями.

Второй период я начинаю с того дня, когда я получил возможность брать книги за плату по 10 коп. в месяц (в складчину с своим товарищем) из библиотеки, существовавшей тогда при одной из городских церквей. Эта библиотека составляет самое светлое воспоминание всего моего детства. Я погрузился в чтение, я глотал книги со страстью, с жадностью умственно голодного человека, не чувствуя усталости. Это была какая-то всепоглощающая мания. Я откладывал гроши, добываемые мною с огромным трудом то чтением псалтыря по покойникам, то христославлением на Рождество, чтобы собрать необходимую абонементную плату, конечно, по последнему разряду.

Наиболее глубокие эмоции и настроения вызваны были Гоголем силою его драматизма, смелым полётом воображения.

Полные сверхъестественных событий, фантастических приключений и чудес «Вий» Гоголя и «Страшная месть» его же произвели на меня такое жестокое действие, что я замирал от ужаса при их чтении; я видел, слышал, осязал всю эту фантазмагорию устрашающих образов; а затем в течение нескольких дней видел во сне отрывки из прочитанного и вскакивал от страха.

Необычайные характеры и самые изумительные приключения, описанные в «Тарасе Бульбе», вызвали большой подъём и воображения и мысли. Сильное впечатление произвёл роман Дюма «Монте Кристо», зажигая во мне детское стремление к героизму и необычайным приключениям. Я читал его не отрываясь, забыв и уроки, и сон, при неровном свете дымной лучины, чуть ли не целую ночь напролёт. Замечательно, что та же книга, переданная мною одному рабочему, заставила его пропустить два рабочих дня. Многие из стихотворений Никитина, оплакивавшего непосредственно знакомую мне народную долю, я знал наизусть и, повторяя, быть может, в сотый раз «Жену ямщика», не мог удержаться от слёз и читал некоторые места обрывающимся от плача голосом.

Очень заинтересовали меня также две-три книги научно-популярного характера и особенно по физиологии человека.

Начало третьего и последнего периода я отношу к 14-му году своей жизни, когда я получил доступ к богатой публичной библиотеке губернского города и к кружкам интеллигентной молодёжи. Первое по времени место в этом периоде я должен отвести Базарову.

Умный, сильный, гордый плебей Базаров, конечно, страшно заинтересовал меня; но при первом чтении меня испугало и оттолкнуло то беспощадное отрицание всего, даже того, что «страшно вымолвить», а также и его индифферентизм к тому, будет ли у мужика хорошая изба. Впрочем, надо сознаться, что я пошёл за Базаровым не сразу, а после продолжительной борьбы. Отрицание Базарова сначала заинтересовало меня с религиозной стороны и показалось мне кощунством. Я почему-то бросился на астрономию, думая найти в ней подтверждение библейского сказания о днях творения. Но — увы! — астрономия оказалась против меня. Я обратился к геологии; результат тот же. И я уступил.

К Рудину я относился тогда, по моему теперешнему мнению, несправедливо: я считал его бессильным, безвольным, бездельником, любящим красивую позу и пышную, кудрявую фразу, праздноблотающим барином, хотя, разумеется, не мог отрицать его большого ума и благих намерений.

«Униженные и оскорблённые» Достоевского произвели на меня так же сильное впечатление. Между прочим, роман удивил меня тем, что и в аристократической среде, которую я, не зная её лично, под влиянием рассказов крепостных, презирал всею душою, можно найти, как у Алёши, искру Божию и чистое сердце, не знающее зла, несмотря на негодя отца и на воспитание в аристократическом доме и на жизнь среди развращённой золотой молодёжи.

«Записки из Мертвого дома» показали мне, что «и в каторге живут не звери, а люди».

Диккенс внушил мне веру в людей, горячую любовь к ним, сострадание к обиженным судьбою. Я плакал, когда автор особенно трогательно описывал чью-нибудь горькую жизнь.

Я смеялся, когда автор ставил своих героев в комическое положение.

Утопии и, главным образом, Фурье заставляли меня забывать всё окружающее и переносили моё воображение в дивный волшебный мир, где нет ни зла, ни страданий, ни оков, ни гнёта, ни нищеты, а где царят свобода, правда, равенство, братство, справедливость и всеобщее счастье. Особенно прельщал меня идеал Фурье согласить общественное устройство со страстями людей, сделать труд привлекательным, сообразуясь с наклонностями каждого, предоставив лакомкам кухонное дело, любителям животных — конюшни и скотные дворы и проч.

И сейчас ещё звучит в моих ушах его эффектный афоризм: «Обязанности идут от людей, а страсти — от Бога».

Лассаль вскружил мне голову. Он писал так ясно, что я читал его так же легко, как роман; его неожиданные и меткие сравнения, как молния, освещали самые отвлечённые и трудные из его положений, его остроумие приковывало к книге. Его постоянные обращения к разуму и совести, возвышавшиеся нередко до пафоса, поддерживали высокое настроение не только при чтении книги, но и после того.

Бокля я читал с упоением: меня увлекала его вера в прогресс и истину, его гордое стремление опекать законы умственного развития че-

ловечества, такие же правильные законы, какие управляют и физическим миром.

С большим увлечением читал я и другие исторические книги, например Шлоссера, а также исторические романы. Мне нравилось, что это чтение переносило меня за столетия и тысячелетия назад и приносило мне из глубины веков известия о том, что думали и чувствовали, как жили, боролись, работали, наслаждались, мучились, что трепетно любили и что ненавидели наши предки и их современники: к чему они стремились, о чём говорили. В исторических книгах меня особенно интересовала не жизнь королей и принцев, мало понятная для меня, а быт народа, его радости и горе, его стремления и его герои.

Меня волновали эти вечные колебания счастья и перемены судьбы, подвиги замечательных личностей, особенно если они происходили из низших классов народа.

Из Добролюбова огромное впечатление произвели статьи о Роберте Оуэне, об авторитете в воспитании, об обломовщине; но ничто не действовало так сильно, как его «Тёмное царство». Весь ужас жизни, который я наблюдал, а отчасти и пережил сам, безудержное самодурство одних, полное бесправие других, поругание человеческого достоинства, — всё это, благодаря Добролюбову, соединилось в моей голове в одно целое, в одну яркую потрясающую картину. Его фраза «Милый друг, я умираю, оттого что был

я честен»... и сейчас звучит в моих ушах как одно из воспоминаний о своём кумире, пред которым я преклонялся в юности.

Названные книги вместе с другими подобными ввели меня в сферу общественных и политических вопросов, пробудили критическое отношение к социально-политическим формам, дали совершенно определённое направление недостаточно ясным до тех пор симпатиям и антипатиям. Эти книги раскрыли предо мною совершенно новый волшебный мир, полный самого живого восторженного интереса, преисполненный необыкновенной красоты и возвышенных трепетных духовных наслаждений, о которых я не имел до того времени ни малейшего представления.

Из идей, усвоенных мною тогда, наиболее яркое впечатление произвела мысль, что рай не позади нас — в узкой долине между Тигром и Евфратом, а впереди, что это не рай Адама и Евы, а рай всего человечества, которое в лице лучших своих сынов работает над осуществлением царства добра и правды не на том свете, а на этом. Поражали меня также свободные, смелые перспективы, которые широкими мазками рисовала предо мною новая литература, не считаясь с установившимися, казалось, незыблемыми, устоями. От этих перспектив делалось жутко, но вместе и радостно, быстро росло умственное возбуждение.

Поражала и та дерзость, с которою авторы опрокидывали «Эльборусы и Монбланы», по выражению тогдашнего талантливого критика; удивлял этот смелый, прямой язык, которым авторы говорили, обращаясь к престолам и тронам.

И мне казалось, что я уже не могу более жить так, как жил до сих пор, как жила моя семья, мои родные и знакомые. Я хотел учиться, но не тому, чему учат в школе, а тому, о чём говорили прочитанные мною книги; учиться, чтобы затем работать в новом указанном книгами направлении.

Кто-то натолкнул меня на книги педагогического содержания, и я принялся за чтение журнала «Учитель», за Ушинского, бар. Корфа. Я прочёл всё, что только мог найти в современной педагогической литературе. И чем больше я читал педагогических книг, тем сильнее воодушевлялся задачами народного учителя, и притом не только как средством сближения с народом (это само по себе), а прямо задачами воспитания и образования подрастающих поколений народа, и эти задачи казались мне тогда высшей целью жизни. Некоторые из прочитанных тогда статей Ушинского и Пирогова и до сих пор служат для меня скрижалями педагогических заветов, моим евангелием.

Благодаря таким книгам, у меня образовалась своя педагогическая доктрина, своё представление о рациональных методах преподавания и воспитания, о задачах воспитания и школы.

Многое с тех пор побледнело в моей душе: «облетели цветы, догорели огни»; надвигающаяся старость охладила многие из увлечений; но и до сих пор я по-прежнему чувствую в себе благоговейное отношение к писателям, которым я был обязан

в юности своим духовным возрождением. И до сих пор имена Ушинского и Пирогова, Руссо и Песталотти я не могу произносить без некоторого душевного волнения. И меня потянуло в народные учителя. Но я не хотел расстаться и с мечтой об университете. И у меня явился особый план. Поступить сначала в народные учителя, питаться молоком и яйцами всмятку (по гигиене Реклама), накопить денег и поступить в университет, пройти весь цикл знаний, по Конту, начав с физико-математического факультета. Педагогические статьи и книги, прочитанные тогда, определили направление моей деятельности на всю мою жизнь, потому что я могу сказать, что почти всю жизнь я, действительно, посвятил народному образованию.

Статьи Писарева, его страстное отрицание эстетики как «вздорной потребности», как дела, чуждого «мыслящего человека», значительно охладили моё увлечение беллетристикой; но я нашёл выход в том, что стал выбирать для своего чтения романы и повести с «хорошим направлением». К таким книгам я относил, например, романы Шпильгагена.

Огромное впечатление произвела на меня критическая статья Ткачёва «Люди будущего и герои мещанства», помещённая в каком-то журнале. Быть может, это объясняется тем, что она была прочитана мною после романа Шпильгагена «Один в поле не воин», разбор которого была посвящена. От наплыва новых, доселе неведомых идей и стремлений замирал дух, кружилась голова. Нечего говорить о том, на чьей стороне было моё сердце, по прочтении этих двух произведений.

Учитель Туски поражал меня своею прямолинейностью. Его изречение «Предоставьте мертвецам хоронить своих мертвецов» волно-

вало меня как проявление величайшей преданности идее, фанатизма, отрекающегося во имя своих идеалов от самых естественных родственных чувств. Меня привлекал образ идеалиста Туски ещё более тогда, когда он, отошедший от Лео во время его шумного успеха, возвратился к нему после неудач, когда все отвернулись от Лео, и, приглашая его в Америку, сказал: «Неужели ты с этими преторианскими когортами надеешься завоевать свободу». Ещё большее впечатление произвёл на меня образ Лео, казавшегося мне каким-то гордым титаном, вызвавшим на бой за свои идеалы всё общество, и принёсшим им в жертву все свои привязанности, свою любовь, своё личное счастье и самую жизнь.

Восторгаясь Лео, его настойчивостью, энергией, — умом, самоотверженною преданностью идее, я в то же время вместе с Туски не хотел одобрить избранного Лео пути. Производили также впечатление «Из мрака к свету» и «Загадочные натуры». И сейчас помню полные мрачного пессимизма слова какого-то из шпильгагенских героев, ушедшего в цыганский табор: «Презирать людей, презирать себя, презирать то, что тебя презирают другие»...

И другие произведения Шпильгагена, а также «93 год» и «Несчастные» Виктора Гюго потрясали меня до глубины души. Особенно волновали образы людей, живших, боровшихся и даже умиравших за свои идеалы, за справедливость и свободу.

Меня поражали антитезы В. Гюго, когда посредством контрастов и противопоставлений он сразу и с необычайной яркостью освещал какую-нибудь из своих идей.

Несмотря на отрицательное влияние Писарева, редко какая научная книга овладевала мною в такой же степени, как заинтересовавший почему-либо меня роман. Я поглощал страницу за страницей, не замечая времени, иногда просиживая напролёт целые ночи.

Взвешивая теперь влияние на меня беллетристики, я не могу не отметить очень многих чрезвычайно ценных сторон этого влияния. Одни из художественных произведений, как например, романы Шпильгагена, учили меня любить свободу, другие внушали мне сострадание к горю и несчастью других людей, как, например, «Несчастные» В. Гюго, третьи возбуждали уважение к искренности и правдивости (Базаров Тургенева), четвёртые — любовь к честному упорному труду, к сильной воле и самообладанию («Труженики моря» В. Гюго), и все вместе восторг пред нравственной силой, пред исполнением нравственного долга.

Лучшие из беллетристических произведений возбуждали восторг пред бескорыстной любовью к добру и правде; они учили «не требовать наград за подвиг благородный». Мало этого, художественные произведения поддерживали во мне веру в идеалы, веру в то, что и я сам мог бы содействовать воплощению этих идеалов в жизни и хоть на волосок двинуть вперёд какое-нибудь хорошее дело. Художники слова поддерживали во мне надежду на лучшее будущее. Они поддерживали и бодрость духа, так часто падавшую под

влиянием тяжёлых жизненных условий. Мой жизненный опыт ограничен был очень тесною сферою. При таких условиях легко развивается мечтательность, голова наполняется самыми нелепыми фантастическими проектами, несбыточными надеждами, вырабатывается тип неудачника, терпящего провалы в своих начинаниях, по незнанию действительных условий жизни и свойств человеческой природы.

Лучшие из беллетристических произведений реалистического характера развивали во мне чувство меры, они учили различать, что возможно и что неосуществимо и, таким образом, они воспитывали трезвое, разумное отношение к жизненным целям, задачам и идеалам, они помогали согласовать лучшие из целей с современными условиями и житейскими требованиями. «Я ищу идеала, — говорит поэт Гюго, — но не теряю, однако, из под ног реальной почвы». Конечно, и в художественных произведениях нельзя найти фотографически верного воспроизведения действительности; правда, и здесь мы имеем дело с творчеством поэта или романиста; но здесь мы встречаемся с так называемой художественной правдою, а эта правда, по мнению многих, даже реальнее фотографического изображения действительного события, потому что эта правда, как думают некоторые, логичнее, последовательнее, «действительнее даже самой действительности».

В своих личных отношениях я был склонен увлекаться и нередко чрезмерно преувеличивать достоинства тех, с кем прихо-

дилось становиться в близкие сношения, и погрешал против правды; нашей реалистической литературе я обязан тем, что она воспитывала во мне чувство правды, чутьё реальности; учила согласовать благожелательное отношение к знакомым с чувством правды; учила не жертвовать правдою во имя благожелательности; но не жертвовать и благожелательностью во имя правды и действительности, — словом, она учила меня такту.

Я жил в среде, где, по выражению Островского, царят «жестокые нравы»; где пьяный озверевший супруг и отец нередко бьёт смертным боем свою жену и своих детишек, и где окружающие думают, что он имеет на это все права, где женщина в песнях оплакивает свою горькую долю, где тёмное царство семейного насилия и гнёта нередко доводит до самоубийства жён и даже подростков.

И ничто не осветило этой среды так ясно, как художественная литература, воспитывающая в нас отвращение и презрение к злорадству, цинизму, чванству, важничанью, глупому самодовольству, нахальству, насилию, гнёту, оскорблениям, лицемерию, коварству, предательству, а также к легкомыслию, дикости и к нравственному бессилию, к отсутствию чувства чести и нравственного достоинства.

В той среде, где я провёл своё детство, если и избегали дурных поступков, то большею частью из побуждений троякого рода: либо из страха наказания здесь на земле, либо из страха адских мучений на том свете, либо из боязни, что скажут соседи. О чувстве совести мне почему-то приходилось слышать очень редко. Но наказания на земле можно иногда избежать; общественное мнение можно обмануть; есть средства избавиться и от мук ада; гораздо надёжнее поэтому суд собствен-

ной совести. Но ничто в такой мере не действовало на пробуждение совести, как чтение.

В тогдашней художественной литературе встречались яркие изображения «этого когтистого зверя», по выражению поэта, который «скребёт сердце» грешника. Художники слова умеют изобразить укоры и упреки совести, которые стучат, «как молотком», в ушах преступника. Книги научили меня понимать и симпатизировать героям, к какой бы нации они ни принадлежали: были ли это евреи, о которых я читал в библии и священной истории, или греки и римляне, о которых я читал в исторических книгах и в переводах с древних языков, или французы, о которых сообщали мне переводные повести и рассказы и история. И я не могу назвать никакого другого фактора, который бы содействовал развитию моих симпатий и нравственных чувств в той мере, в какой это сделали книги.

Те смутные, данные мне самою природою, инстинктивные, почти бессознательные чувства симпатии к людям литературой расширила, возвысила, углубила и превратила в сознательные нравственные чувства и стремления. Я живо чувствовал, как под чарующим влиянием художественной литературы я сам становился лучше.

Беллетристы же помогли мне разобраться в своих собственных свойствах, узнать то, что было во мне хорошего и сильного, а также и то, что было плохого и слабого.

Беллетристы не раз указывали мне на такие оттенки в моих собственных чувствах — в настроениях, каких я не заметил бы в себе, если бы на них не обратила моего внимания художественная литература, описывающая аналогичные особенности в душе своих героев. Всякому известно, что иногда в художественном произведении, как в зеркале, мы видим самих себя со всеми нашими достоинствами, которыми мы тогда любимся, и со всеми нашими пороками, которые мы тогда ненавидим в себе.

Книги научили меня лучше понимать и человеческую природу вообще, её достоинства и недостатки, лучше различать добро и справедливость от зла, важное и существенное от неважного и случайного.

Без Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского и Толстого и человеческая природа, и наше общество, и моя личная душевная жизнь представлялись бы мне совсем в другом очень тусклом, ложном и далеко неполном освещении. Наверное, я не видел бы ни в себе, ни кругом себя и одной десятой доли того, что вижу теперь. Больше того, сама жизнь моя, вероятно, была бы иною, чем она была на самом деле. Художественная литература сделала ещё другое. У меня была слабость мерить всех на свой аршин. Я думаю, что этим свойством грешат многие. Как часто мы слышим, что какое-нибудь загадочное самоубийство пьяница объяснит тем, что покойный пропил чужие деньги, азартный игрок — тем, что несчастный проиграл деньги, эротоман — несчастною любовью, карьеристы — неудачами по службе, банковый делец — предстоящим крахом и т. д. Эта слабость судить по себе о других была не чужда

и мне. И художники слова помогли мне войти в душу другого человека, понять, что происходит в чужой душе и в чужом сердце.

Был во мне ещё недостаток: мне было легко увидеть и полюбить добро в человеке, о котором говорили как о выдающемся человеке, представляющемся в красивой позе, но трудно было открыть добро и правду в каком-нибудь безвестном и скромном обывателе. Беллетристы, и из них особенно Достоевский и Гюго, дали мне мысль искать искру Божию в среде отверженных.

Конечно, и без книг я любил природу; но это была безотчётная любовь; и эта инстинктивная, почти бессознательная любовь к природе, под влиянием книг, превратилась в понимание её красоты и величия. Без Пушкина, Гоголя, Тургенева, Кольцова, Никитина и Толстого я не чувствовал бы и десятой доли красот солнца и неба, леса и луга, реки и озера, холмов и долин и вообще русского пейзажа.

Беллетристика успокаивала меня в минуты отчаяния, раздражения или горя.

Она рассеивала гнетущие мысли о голоде, холоде, о безрадостном настоящем, о безвыходном и беспросветном будущем, об ужасах жизни, которые были пред моими глазами или о которых я узнавал из разговоров взрослых. Духовный подъём, вызванный книгою, заставлял забывать всё гнетущее и уносил меня в иной мир, мир светлых грёз, в мир духовных наслаждений.

Художественная литература была моим развлечением, моею радостью, и притом самой чистой, невинной и бескорыстной радостью.

Если присоединить к беллетристике научную и публицистическую литературу, то нельзя не сказать, что книгам я обязан почти всем моим развитием.

Книги — это школа бедных, которым недоступны другие источники образования, — и книги были истинною моею школою.

В книгах я искал утоления моего ненасытного любопытства, направленного в раннем детстве к небесному и горнему, несколько позже к героическому земному и, наконец, в юности в область социальных, политических и педагогических вопросов.

Книги сделали мой грубоватый и малоповоротливый от природы ум более тонким и гибким, дали лучшие методы мышления, дали умение лучше обобщать и перерабатывать факты, наблюдения, идеи и знания. Ничто в моей жизни не содействовало в такой мере расширению моего умственного кругозора, как литература.

Чтение книг по общественным и педагогическим вопросам я считаю для меня особенно важным.

Эти книги перенесли меня из сферы традиционных полусознательных, привычных и непродуманных предрассудков в светлый и вольный мир тогдашней науки и мысли.

Чтение этих книг составило самую крупную и яркую эпоху в моей жизни, стало решающим поворотным пунктом в моей жизни. Моя дорога вела меня к другой профессии, и до тех пор мне не приходило в голову никаких на этот

счёт сомнений, но под влиянием книг прежние цели терпят окончательно крушение и появляются другие, новые.

Именно эти книги, а не что-нибудь другое, приобщили меня к современным веяниям века, к духу времени. Эта литература была лучом света, озарившим мою голову, мои понятия о мире, о жизни, о людских чаяниях, радостях и страданиях.

Может быть, я увлекаюсь и преувеличиваю, но мне кажется, в том положении полного духовного одиночества, при умопомрачительной монотонности и бедности жизни, какая окружала меня в детстве, при моей малоразвитости и вместе с тем жадной любознательности, книги могли сделать из меня что угодно. Это было непрерывное внушение, касающееся как образов и идей, так равно и чувств и стремлений. Читая увлекавшую меня книгу, я проникался настроением её автора, воспринимал его идеи, заражался его чувствами и вкусами к красоте, его пониманием добра и правды, я присваивал себе его идеалы, его интересы, его стремления, я приобщался к самой индивидуальности овладевшего мною писателя. При таких условиях как легко дурная книга могла разбудить скверные инстинкты; книги вроде Натова Пинкертонов, если бы они попались мне в руки, могли развратить моё воображение, но, к счастью, этого, по-видимому, не было, по крайней мере, я теперь не помню ни одного дурного внушения, исходившего из книг; какой-то здоровый инстинкт направлял мой выбор в хорошую сторону.

Одни книги мне нравились и будили мою страсть к чтению, другие возбуждали неудовольствие либо скуку, и я спешил возвратить их в библиотеку, чтобы заменить новыми, более интересными. Эти опыты развивали во мне критическую жилку, и я мало-помалу стал различать книги по новизне и оригинальности их содержания, пользе, ими приносимой, по доступности их изложения, по логичности и связности мышления автора. И благодаря этому, огромное большинство прочитанных мною книг принадлежит, бесспорно, к хорошим. Лучшие из них увлекали меня в вихрь настроений, которых без книги я никогда бы не пережил, заставляли отзываться на чувства, стремления и идеалы, до которых от окружающей меня среды было так же далеко, как до звезды небесной. Каждая из них, хотя бы ненадолго, приподнимала меня, а все вместе не позволяли уютнеть в той грязи, в которой тонули окружающие меня люди.

Из-за книг мне рисовались идеализованные мною образы самих авторов, и я с наивною верою юности говорил про них: вот какими могли бы быть люди и какими они должны быть.

До отчаяния мало я встречал в своей жизни людей, которые оказали бы мне ценные услуги в моей жизни; пришли бы мне на помощь в дни горя и невзгод, обильно усеявших мой жизненный путь, зато у меня есть истинные, несомненные, великие благодетели — это авторы книг, оказавших решающее влияние на моё мировоззрение и мою жизнь. Их идеи были для меня компасом, указывающим направление, в каком я должен работать, маяком, путеводной звездой, указующей жиз-

ненный путь, оберегающей от заблуждений, опасностей и ужасов жизни. И когда я сбивался с пути, не раз хорошая книга служила для меня надёжной пристанью.

Если взять всё, что дала мне школа, лекции, которые я слушал, знакомые, с которыми я встречался, кружки, музеи, которые я посещал, и т. д., то все эти влияния, взятые вместе, в образовательном отношении были ничтожною каплею по сравнению с тем, что дали мне книги. Я не хочу, конечно, сказать, что так и должно быть; я, напротив, думаю, что моё развитие шло ненормально, односторонне, что мне недоставало хороших руководителей, лабораторий, наблюдений, экспериментов. Я убеждён, что одних книг мало. Книги могут указать пути; но чтобы идти по этим путям, нужны ещё такие силы, для развития которых одних книг недостаточно. Быть может, наша непрактичность, наши неудачи в общественных делах объясняются именно тем, что мы слишком книжные люди, наши мысли и идеалы носят слишком книжный характер, что и в жизни мы гораздо больше разговариваем, чем действуем.

Я считаю несчастьем для страны с даровитым народом, давшим Ломоносова, Погодина, Кольцова, Никитина, Горького и т. п., страны с 2 1/2 миллиардным бюджетом, что у нас есть везде казёнка, где можно купить сколько угодно водки, чтобы напиться до потери человеческого образа, но нет ни музеев, ни лабораторий, ни руководителей, нет никакого исхода для одарённых детей и юношей из народа.

Но я пишу о том, что было, а моими истинными наставниками были почти исключительно одни книги. Я убеждён, что истинной воспитательницей является сама жизнь. Но что же делать, если окружающая жизнь гораздо более развращала, чем воспитывала.

Крепостные порядки и нравы, официально осуждённые, когда мне было 7 лет, на самом деле существовали во всё время моего детства, юности и молодости. Остатки их в виде интendantской эпопеи и проч. дошли и до наших дней. Если от общественной сферы перейти к семейной, то и здесь ещё и до сих пор живут остатки крепостничества: деспотизм, произвол, насилие. В школе, где некоторые попечители округов и теперь ещё совершают эксперименты, достойные Магницкого и Рунича, также мало было хорошего, но очень много плохого.

Оставалась одна книга.

И если я не захлебнулся в пошлости окружавшей меня жизни, если я не отупел под влиянием школьной зубрёжки и окружающей давно уже отупевшей среды, если я сохранил до старости любознательность и сейчас не могу без душевного трепета читать или слышать о каком-нибудь новом завоевании человеческого ума, то всем этим я обязан ничему другому, как только книгам.

И такова сила юношеских впечатлений, что даже теперь, после того, как я узнал лично многих писателей, из коих большинство оказалось обыкновенными людьми, не лишёнными обычных людских слабостей, я всё-таки не могу без оттенка благоговения произнести слово «писатель» и уж, конечно, из всех современных профессий не могу назвать ни одной, которую бы можно было поставить наравне с литературой.

Книги вселили в меня наивную, но абсолютную веру в непреложность некоторых идей. И такова сила этого юношеского обаяния, что и сейчас, когда суровый долгий опыт жизни заставил меня кое в чём разочароваться, кое-что отвергнуть, «поверженные кумиры» всё же и теперь ещё возбуждают сладкое волнение в сердце.

Был, впрочем, большой недостаток в моём чтении: у меня не было руководителя при выборе книг. Я читал то, что вздумается, из того, что попадалось под руку, я один искал свою дорогу; прежде, чем перейти к литературе Гоголевского периода, я очень долго читал книги исключительно лубочные: либо жития святых, проповеди, либо сказки и проч. Но когда я напал на новую литературу, то какой-то инстинкт руководил моим выбором и я не знаю ни одной книги, прочитанной мною, про которую бы я мог сказать теперь, что лучше было бы, если бы я её не читал. И тем не менее, я думаю, что для меня был бы чрезвычайно полезен хороший руководитель, который бы сумел предоставить мне необходимый простор для моих индивидуальных стремлений и в то же время облегчил бы мне достижение успеха путём систематизации, путём перехода от более лёгкого к более трудному. Без руководителей я шёл к развитию какими-то причудливыми окольными путями: от житий святых к астрологии и хиромантии, от ручной пасхалии к арифметике, от проповедей к греческому языку и т. д. прежде, нежели случайно напал на новую литературу;

да и в этой последней области мой путь никак нельзя назвать прямым и кратчайшим.

Мы привели этот человеческий документ не с тем, конечно, чтобы сделать из него выводы, без всяких оговорок. Здесь изображено, как шло развитие человека определённой эпохи, жившего в определённой среде, обладавшего, как и все люди, известными индивидуальными особенностями. Несомненно, что сейчас к книге не может быть уже такого исключительного благоговейного отношения, как в те времена. Наряду с книгой получили более широкое распространение другие факторы развития: школы, лекции, музеи, лаборатории, театр, кинематограф, картины, всевозможные наглядные пособия и проч.

Едва ли в наше время возможны такие восторженные отзывы о хорошей книге, как те, которые когда-то писал Белинский. Едва ли теперь возможны стихотворения вроде Некрасовского «Пропала книга». По-видимому, прошли те времена, когда выход иной книги составлял для всего образованного общества событие огромной важности. В наше время, по меткому выражению Щедрина, «писатель пописывает, а читатель почитывает».

Далее. Наш человеческий документ говорит о жизни среди невежественных людей. Между тем и в былые времена ребёнок из интеллигентной среды мог бы гораздо легче, быстрее и лучше, чем из книг, многое узнать из устных бесед с образованными людьми, из посещений музеев, картинных галерей, театра, из уроков в хорошей школе, из путешествий и т. п.

Интерес к книге в сущности заимствованный интерес. Книга ещё так недавно появилась в человеческом обиходе. Книгопечатание изобретено менее 500 лет тому назад; а распространение книги в широких народных массах — дело только наших дней. Очевидно, что наследственность ещё не могла закрепить привычки к чтению. И если мы всё-таки любим читать, то в данном случае нами двигает другая несравненно более древняя, закреплённая наследственностью привычка слушать устную речь. Нас занимает не механический процесс чтения, а то, что книга служит заменой устной беседы с её автором. С тех пор, как существует на земле человек, он привык к живой беседе с себе подобными. С тех самых пор дети привыкли слушать сказки и рассказы взрослых, и эти их привычки передаются из поколения в поколение. Устная сказка и сейчас доставляет ребёнку гораздо больше удовольствия, чем сказка, прочитанная им самим, особенно если ребёнок читает ещё с трудом. Затруднения, которые связаны для ребёнка с механизмом чтения, отнимают часть наслаждения, какое доставляют сказка или рассказ сами по себе. Как же сильно должно быть влечение к сказке и рассказу, если многие дети, несмотря на искусственность и трудность для них процесса чтения, всё же стремятся к книге.

Давид Юм признавался, что с самого раннего детства у него «было сильное влечение к книгам».

Иоганн Гердер, немецкий публицист, поэт и философ, так любил чтение, что не мог

видеть книг даже в окнах чужих домов без того, чтобы не зайти туда и не выпросить их для прочтения.

Энциклопедист Дидро почти всем своим развитием обязан чтению. В Парижском коллеже он читал украдкой от отца книги, направление которых привело бы в ужас его отца.

Впоследствии он прочёл всё, что только можно было прочесть о движении новой философии и точных наук.

Руссо ещё 7-летним мальчиком зачитывался до утренней зари «Астреей» и Плутархом. Позже, в качестве ученика сначала у нотариуса, потом у гравера, он *зачитывался книгами во время работы*, за что с ним очень сурово обходились.

Кант, почти никогда не нарушавший порядка своей жизни, забыл своё распределение времени, когда появился Эмиль Руссо, и читал запоем до поздней ночи.

Г-жа Ролан рассказывает, что чрез её руки ещё в возрасте 7 лет прошли все книги, хранившиеся в библиотеке родителей. «При чтении «Телемака» и «Освобождённого Иерусалима», — рассказывает она в своих мемуарах, — у меня захватывало дыхание и лицо пылало, как в огне... Я была Евхарисой для Телемака и Германией для Танкреда; но мысленно воплощаясь в личности этих героинь, я не думала ещё о себе, не обращалась к собственной личности и ничего не искала вокруг себя: я как бы сама перерождалась и видела лишь те предметы, которые существовали для моих героинь. То был сон без пробуждения».

Биограф Д. С. Милля пишет, что знаменитый философ — «вырос среди книг, думал о кни-

гах, развлекался только книгами, и они сделались для него так же необходимыми, как вода для рыбы».

Рис. 1.

Страсть к чтению овладела нашим артистом Плавильщиковым, по его собственному признанию, с детских лет, а в университете развилась «до последнего предела». О периоде необычайного увлечения чтением говорят биографии Эдиссона, Гексли, В. Скотта, Готье, нашего Державина и проч. У Наполеона страсть к чтению в юности доходила до «бешенства», хотя потом, впрочем, совершенно исчезла.

Анкеты, произведённые в Америке, показывают, что 65 % всех корреспондентов в своё время увлекались чтением и притом тайком от родителей.

Рис. 2 показывает, сколько детей предпочитает купить книгу, или же сходить в театр, зверинец, цирк, картинную галерею. Сюда занесены только ответы, собравшие больше 10 голосов.

Г. И. Успенский в «Нравах Растеряевской улицы» дал яркую картину того, как страсть к книге овладела мальчиком Алифаном, несмотря на глумление, жестокость и злорадство обывателей улицы к непонятному ей увлечению книгой.

Алифан во время болезни «от нечего делать» прозубрил пятикопечную азбуку со складами, молитвами, изречениями, баснями, и незаметно книга в глазах его приняла вид и смысл, совершенно отличный от того вида и смысла, какой привыкли придавать ей растеряевцы. Страсть к чтению сделала то, что сирота решил просить опекуна купить ему какую-нибудь книгу. Опекун сжалился: книга была куплена; и сирота замер над ней, не имея сил оторваться от обворожи-

тельных страниц. Книга была «Путешествие капитана Кука». Алифан-сирота забыл сон, еду, перечитывая книгу сотни раз: капитан Кук всё больше и больше пленял его и, наконец, сделался постоянным обладателем головы и сердца Алифана. По ночам он в бреду выкрикивал какие-то морские термины, летал с полетей во время кораблекрушения и пугал всю семью опекуна не на живот, а на смерть». Когда затем Алифан стал торговать в разнос галантереей, книга и капитан Кук и здесь не оставляли его ни на минуту. Успенский рисует потрясающие сцены оскорблений, наносимых улице Алифану за его увлечение. Улица прозвала его Куком; ребята при каждом его появлении заливались несказанным хохотом; им вторили кучера, натравливая на бедного, доморощенного Кука собак. Но никакие оскорбления не в состоянии были поколебать увлечения Алифана.

Как уже сказано выше, я производил опрос детей Тверских фабричных школ о том, что бы каждый из них сделал, если бы получил 1 руб. <...>

В 1905 году, как известно, ученики средней школы формулировали свои пожелания. И в ряду других пожеланий одно из самых видных мест занимает «свободное посещение публичных библиотек, читален, лекций, научных заседаний и т. п.». Такие пожелания выражены учащимися в Москве, Казани, Пскове, Мелитополе, Курске, Туле, Либаве, Харькове, Вологде, Красноярске, Н.-Новгороде, Брянске и друг.

Учитель г. Кравченко приводит в подлиннике ответы 25 учеников на вопрос о том, кем бы они хотели быть по окончании школы. Я подсчитал, что в 14 из этих ответов говорится о книгах: «Я собираю деньги на книги». «Я хочу, чтоб было много книг» и т. п.

Мы видим, таким образом, что дети стремятся к книге, жаждут её, готовы для неё на разные жертвы, что чтение для многих составляет неудержимую потребность, подобно физическому голоду; но эту потребность в нормальном ребёнке надо рассматривать как стремление к развитию, потому что хорошая книга, вовремя данная, является средством саморазвития.

По вопросу о книгах, более всего понравившихся и произведших наиболее сильное впечатление в детстве, я располагаю ответами взрослых слушателей моих лекций и ответами детей Тверской школы. Суммируя все эти данные, приходишь к заключению, что везде первое место принадлежит беллетристике; второе место — путешествиям и приключениям во вкусе Жюль Верна и Майн Рида, третье место — историческим романам вроде «Тараса Бульбы» Гоголя, «Князя Серебряного», А. Толстого, «Юрия Милославского» Загоскина и романам Вальтера Скотта; идут сказки Андерсена, «Тысяча и одна ночь» и др., и, наконец, книги научного характера вроде «Астрономических вечеров» Клейна, «Космоса» Гумбольдта и т. п.

Число авторов, с чьими именами связаны воспоминания о сильном впечатлении от книги, не очень велико. Около 30 русских и немного более 20 иностранных писателей — вот и всё число тех, кому посчастливилось оставить яркие воспоминания в детской душе.

Писатели, чьи произведения производили наиболее сильное впечатление.

Расположены по убывающим числам отзывов.

Русские: Гоголь, Пушкин, Достоевский, Тургенев, Лермонтов, Толстой Л., Жуковский, Загоскин, Толстой А., М.-Сибиряк, Потапенко, Гаршин, Успенский Г., Некрасов, Фет, Кольцов, Никитин, Чехов, Григорович Д., Короленко, Карамзин, Чистяков, Рубакин, Грибоедов, Фонвизин, Крылов, Лажечников, Дмитриев, Засодимский, Тур, Станюкович, Ершов.

Иностранные: Шекспир, Андерсен, Амичис, Диккенс, Гейне (стихи), По, Буссенар, Бичер-Стоу, Гринвуд, Майн Рид, Дюма А., Жюль Верн, Гримм, Гумбольдт, Клейн, Купер, Вальтер Скотт, Дефо (Робинзон Крузо), арабские сказки, Сенкевич, Цшоккэ (Делатели золота), Марк Твен, Фаррар, Перро.

В смысле характеристики детства всего любопытнее отзывы о том, почему то или другое произведение произвело наибольшее впечатление в детстве. При этом от мальчиков чаще всего приходится слышать о необычайности подвигов, о героизме, об интересной борьбе, разнообразии захватывающих приключений, о драматизме и движении, об изображении жизни, полной приволья, о физической силе героев, о ненависти и жажде протеста, возбуждаемых изображениями отрицательных

сторон жизни. Девочки чаще говорят о страдании и жалости, вызываемых тем или другим произведением. Оба пола вместе говорят о правдивом изображении и освещении близкой им среды, о мастерском изображении детской жизни, о вере в идеалы, о потребности в выработке мироощущения.

Но, конечно, те или другие требования, предъявляемые к книгам, не остаются неподвижными, а изменяются с возрастом.

Один мальчик 11 лет на мой вопрос, какая книга нравится ему больше всех других, отвечает: «Прежде я не любил книг про светила небесные, а после того, как нам рассказали о них в классе, я ничего другого не люблю так, как такие книги».

Но мальчик, вероятно, ошибся. Не потому он увлёкся светилами небесными, что ему рассказали о них, по крайней мере, не по тому одному. Причина лежит глубже — в его стремлении к развитию. Он променял сказки на астрономию, потому что наступил тот возраст, когда фантастические образы уже не удовлетворяют более запросов ребёнка, когда ему для его умственного развития нужно реальное, то, что есть и может быть, а не то, чего не было и не будет.

Во втором томе настоящей книги мне придётся подробнее говорить о статистической разработке 170 биографий знаменитых людей, как русских, так и иностранцев. Здесь же я считаю нужным указать лишь на то, насколько чтение книг содействовало подготовке к будущей профессии этих лиц.

Конечно, в тех же биографиях отмечаются и другие факторы такого же значения. Почти каждый из знаменитых людей пользовался не одним, а несколькими путями для своего развития. Но замечательно, что число ссылок на благотворное влияние чтения занимает самое первое место. Оно отмечается значительно чаще, чем влияние знакомых и путешествий, почти вдвое чаще, чем влияние товарищей или природы, или отца, почти втрое чаще, чем влияние школы или матери, и впятеро чаще, чем влияние театра.

Если мы вычислим процентное отношение указаний на чтение к общему числу указаний на все факторы, содействовавшие выбору призвания и развитию в определённом направлении, то окажется, что на долю книги приходится более 19 % общего числа указаний, а на долю каждого другого фактора значительно меньше. Ещё рельефнее выступит благотворное влияние книги, если мы возьмём цифру биографий, отмечающих это влияние, и выразим её отношение к общему числу рассмотренных биографий. Оказывается, что 163 биографии из 170 (96 %) отмечают благотворное влияние прочитанных книг в смысле отыскания своего призвания и в смысле подготовки к нему.

Рисунок показывает, как много было знаменитых людей, которым книги помогли найти своё призвание.

В этот вывод надо внести некоторые поправки. Из 7-ми лиц, чьи биографии

Рис. 3

не отмечают благотворного влияния книги, трое родились раньше, нежели распространилось книгопечатание; трое принадлежат к числу художников, а относительно последних биографы обыкновенно сосредоточивают своё внимание на других более близких к данной профессии факторах и могли просто опустить факты влияния книги. Наконец все семеро имели образованных родителей, а стало быть, то, что обыкновенно даёт книга, могло быть возмещено непосредственным воздействием окружающего их образованного общества.

Далее. Многие из 170 знаменитостей жили в прежние времена, когда пути для достижения знаний и развития были малочисленнее. Естественно, что книга в те времена должна была поэтому играть большую роль, чем теперь, когда стало несравненно больше школ, курсов и лекций, лабораторий, музеев, выставок, образовательных экскурсий, когда появился кинематограф, которому предстоит блестящее будущее.

Но, с другой стороны, 71 % общего числа зарегистрированных 170-ти знаменитостей были детьми состоятельных родителей и, стало быть, принадлежали к привилегированному

меньшинству, а нас в наше время могут интересоваться лишь те факторы развития и распространения знаний, которыми может пользоваться всё население, а не одни только состоятельные люди. С этой точки зрения книга и до сих пор является главным средством для распространения знаний и для развития демократических слоёв населения. К услугам состоятельных людей существуют и домашние учителя, гувернантки и гувернёры, и средние и высшие учебные заведения, и образованная среда, и средства для путешествий, экскурсий, устройства лабораторий и т. д. Но всё это почти недоступно для несостоятельных классов населения. Всего доступнее для них книга и вот почему она и до сих пор занимает самое первое место в смысле демократизации знания. Книги дешевле и портативнее, чем, например, кинематограф, лаборатория, высшая школа, лекции, театр и т. п. При современной дешевизне книг не встретилось бы больших затруднений с финансовой стороны даже для того, чтобы сделать публичные библиотеки-читальни общедоступными для всего населения. Г. А. Николаев в своей интересной книжке «Хлеба и света» разработал 625 ответов анкеты, произведённой «Вестником Знания», о духовных запросах читателей. Из этих ответов нас интересуют более всего 84 ответа, поступивших от читателей этого журнала из рабочей среды. Оказывается, что 61 % всего числа интеллигентных рабочих, давших ответы, указывают на чтение, как на средство образования, и только 11 % упоминают о курсах и лекциях, столько же о театре и ещё

меньше о других факторах распространения знания.

Мне приходилось уже писать о том, что на одних учительских курсах и на одних рабочих курсах мною был произведён опрос: чьё нравственное влияние изменило идеалы, взгляды на жизнь и отразилось на самой жизни: влияние учителей, знакомых, друзей и вообще живых людей, или же влияние книг, чтения? На графике 4-м верхние столбики изображают влияние живых примеров, а нижние — влияние книги. Правда, в результате опроса выяснилось, что 62 % опрошенных учителей и 57 % рабочих констатируют преимущественное влияние живого примера, но всё же и на долю книги падает довольно значительная цифра, — 38 % учителей и 42 % рабочих. И этот вывод вполне совпадает с тем, что даёт и литература вопроса. Хорошо известно значение образа. «Если существует, — говорит известный психолог, — какой-нибудь закон, прочно установленный в психологии, так это закон, по которому всякое яркое представление о каком-нибудь акте стремится к своему

осуществлению. Всякое яркое представление о движении есть уже начало движения. Тот, кто стоит на высокой башне и находится под влиянием представления о возможности упасть, рискует броситься вниз. Притягательная сила пропасти заключается не в чём ином, как именно в этом».

Таково влияние образа. Но образ может быть вызван устным и печатным словом. Первый народный дворец в Лондоне был устроен под впечатлением романа на эту тему и устроен именно так, как проектировал романист. Когда-то и у нас устраивались семьи и артели так, как это рекомендовал один популярный роман того времени. Основатель иезуитского ордена переменил военную карьеру на духовную под влиянием чтения жития святых. Вот что говорит Ушинский о впечатлении, какое произвело на него чтение статей об образовании и воспитании в Америке: «Я по прочтении их не мог спать несколько ночей, — говорил он, — статьи произвели страшный переворот в моей голове, в моих понятиях и убеждениях. Я не знаю, что я сделаю, что со мной будет, но я решил посвятить себя исключительно педагогическим вопросам». Франклин, по собственному признанию, всем своим успехом и направлением деятельности обязан тому, что в ранней юности прочитал книгу «О благе».

Каковы книги, какие мы читаем, таковы и наши мысли, а каковы наши мысли, таковы и дела. Мы могли бы перефразировать известное изречение следующим

Рис. 4

образом: «Скажи мне, какие книги ты читаешь, и я скажу, кто ты». Когда читаешь о жизни наших самоучек из народа, то воочию убеждаешься в поразительном влиянии книги на человека. Там всё: и семья, и деревня, и весь уклад жизни, и все взгляды окружающих, — всё было против книги. И, однако же, победа, и притом полная, осталась на стороне книги, у которой не было никаких союзников и едва ли не ей одной многие из наших гениальных самоучек обязаны всем. Книга безгранично раздвинула рамки их личного опыта, показала им жизнь современного общества, перенесла их за океаны, за тысячелетия назад, познакомила их не только с тем, что есть и было, но ещё дала им идею о том, что будет; книга дала им возможность понять, что происходит в чужой душе и в чужом сердце, она дала им идеалы, стоящие на уровне века, она была для них маяком, зажгла в них энтузиазм, дала им силы для борьбы с окружающими условиями, она же пробудила в них чувство собственного достоинства. Книга, наперекор всему, разбудила в них девственную, до тех пор нетронутую, спавшую, но мощную силу народного гения. Недаром коллекцию книг сравнивают с университетом. Недаром книгу называют лучшим другом, утешителем, учителем. Мы знаем, сколько ума — недоброго ума, сколько изобретательности — бездушной изобретательности, сколько энергии и трудолюбия употреблено на то, чтобы наиболее интересные книги не доходили до народа, чтобы библиотеки от-

крывались возможно реже, и, тем не менее, жажда к книге у детей из народа прямо поразительна.

Однажды мне пришлось прочесть в одной провинциальной газете рассказ о том, как десятилетний крестьянский мальчик напрасно и долго разыскивал книжки и в своём и в соседних селениях, как он узнал, что в городе есть бесплатная библиотека, как он, тайком от отца, несмотря на дальний путь, в студёное зимнее утро пошёл за книгой в город, как долго он отыскивал там библиотеку, как он запоздал, как его застала на возвратном пути в глухом лесу ночь и вьюга и как под утро его нашли уже замерзшего, с пятикопеечной книжкой из библиотеки. Быть может, эта новая безвинная жертва заставит нас подумать о том, чтобы хорошая книга не была достоянием только избранных, а проникла всюду.

И можно только удивляться, почему до сих пор ещё не осуществлена ни общедоступность обучения, ни общедоступность библиотеки.

И невольно думаешь, сколько радости и сколько знаний получили бы любознательные дети, если бы везде, где есть какая-нибудь школа, была и библиотека.

